

**ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ АН СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

СЕРИЯ Б

ДОКУМЕНТ № 2

М.В.КРЮКОВ

**ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ
В КИТАЕ**

Москва, 1991

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ЗАРУБЕЖНОМ
МИРЕ**

ДОКУМЕНТ № 2

М.В.КРЮКОВ

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ
В КИТАЕ

Москва, 1991

Материалы подготовлены по исследовательскому проекту "Национальности и государство: опыт регулирования межнациональных отношений в зарубежном мире" (рук. д.и.н. В.А.Тишков) в рамках программы АН СССР "Человек, наука, общество" (рук. д.и.н. проф. В.А.Ядов).

Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.)
 Н.А.Лопуленко
 М.Ю.Мартынова
 О.Д.Фаис-Леутская

Политика национальной автономии в Китае

На протяжении многих столетий в Китае вообще не существовало понятия "национальный вопрос". Отношение к многочисленным некитайским народам, населявшим страну, определялось концепцией, возникшей еще в глубокой древности и освященной авторитетом конфуцианской идеологии: все, кто не принадлежит к "нашей" общности (собственно китайцы, или хань), относятся к качественно иной категории человеческого рода, "варварам четырех стран света". Они изначально не обладают качествами, отличающими человека от животных, им чужды представления о нравственности и морали, однако под благотворным влиянием китайцев они в конечном итоге могут воспринять минимально необходимые нормы поведения человека в обществе ему подобных.

Первые трещины в этой концепции, безраздельно господствовавшей в официальной идеологии китайской империи в течение всего средневековья и нового времени, появились во второй половине XIX в. вслед за теми событиями политической истории страны, которые оказали решающее воздействие на все ее последующее развитие. Речь идет об опиумных войнах, наглядно продемонстрировавших внутреннюю слабость Китая и впервые заставивших его передовых людей всерьез задуматься над соответствием традиционной конфуцианской картины мира и реальной действительности.

Из Европы (хотя и через посредство Японии) в Китай пришли в конце XIX в. и совершенно новые для него представления об этнической структуре человечества, понятие "нация", идея равенства народов. Внешним, но весьма показательным свидетельством кардинальных сдвигов в системе взглядов на самих себя и на своих соседей было в Китае того времени распространение термина миньцзу (нация, народ) как на некитайские этносы, так и на самих китайцев (напомню, что до того времени традиционная этническая терминология — чжун, чжунлэй, чжунцзю никогда не применялась к китайцам, обозначая лишь те или

инные подразделения "варваров"). Накануне Синьхайской революции 1911 г., покончившей с Цинской династией, в Китае получает широкую популярность идея создания "республики пяти наций", в число которых наряду с китайцами входили маньчжуры, тибетцы, монголы и хуэй. Символом победы восставших стал пятицветный государственный флаг, олицетворявший идею равноправия "пяти наций" Китайской республики.

Примерно в это же время в общественно-политический обиход Китая вошел и еще один новый термин - "китайская нация" (чжунхуа миньцзу). Впрочем, в его толковании не было единства. Можно указать по меньшей мере на четыре различных концепции, так или иначе оказавших влияние на подходы различных общественных сил Китая к решению национального вопроса в этой стране.

Первая из них была сформулирована известным ученым и политическим деятелем конца XIX - начала XX вв. Лян Цичао. Он был, по-видимому, первым китайским ученым, со всей определенностью высказавшимся о сложении этнической общности китайцев (хань) в результате взаимодействия протокитайцев с различными по своему происхождению этническими группами. Подчеркивая значение этнического самосознания как признака, возникающего на основе осознания этносом своих объективных характеристик, Лян Цичао в сущности предвосхитил своевременные представления о роли этнического самосознания, к которым советские ученые пришли, преодолевая ожесточенное сопротивление сторонников ортодоксальной "русской марксистской теории нации". Термином чжунхуа миньцзу Лян Цичао обозначал этническую общность собственно китайцев хань, поскольку она обладала самосознанием, отличающим ее от других народов Китая (в том числе и не включенных в официальный перечень "пяти наций", например, мяо).

Иначе понимал сущность "китайской нации" Сунь Ятсен. В своих ранних высказываниях он стоял на традиционных китаец-центрических позициях, призывая "изгнать варваров-татар (то есть маньчжуров. - М.К.), восстановить права китайцев". Однако уже накануне Синьхайской революции Сунь Ятсен резко ме-

няет свои взгляды. Вслед за лидерами антиманьчжурского движения, отказавшимися от отношения к маньчжурам как к "диким аборигенам, кочующим на Северо-Востоке" и признавшими их право считаться одной из пяти наций страны, Сунь Ятсен высказывает убеждение в необходимости добиваться ^враноуправля народо^в Китая. Вместе с тем он настаивает на том, что постепенно преодоление различий между ними превратит их в будущем в единое целое - чжунхуа миньцзу.

Механизм формирования новой "китайской нации" рисовался Сунь Ятсену как добровольная ассимиляция всех народов Китая с ханьским этносом, исключая применение насильственных методов достижения этой цели.

В 1923 г., когда под непосредственным влиянием сложившейся международной обстановки Сунь Ятсен взял курс на союз с СССР и на сотрудничество с коммунистами, он фактически отказался от своей идеи форсированного создания единой китайской нации. В Декларации I-го Национального конгресса Гоминьдана говорилось: "Мы признаем право всех народов Китая на самоопределение". Столь радикальное изменение взглядов Сунь Ятсена на перспективу развития этнической ситуации в Китае было связано с принятием тезиса Коминтерна о праве наций на самоопределение, хотя ни в сочинениях Сунь Ятсена этого времени, ни в официальных документах Гоминьдана мы не обнаруживаем каких-либо свидетельств принятия также и другого лозунга - о праве наций на отделение и создание независимого государства.

В совершенно ином смысле трактовал понятие чжунхуа миньцзу Чан Кайши. Если Лян Цичао использовал этот термин для обозначения этнической общности ханьцев, а Сунь Ятсен рассматривал "китайскую нацию" как состояние, к которому народы Китая смогут прийти в исторической перспективе, Чан Кайши настаивал на реальности существования чжунхуа миньцзу в современном Китае, хотя и не отождествлял ее с собственно китайцами. Более того, Чан Кайши утверждал, что эта нация сложилась уже в глубокой древности по меньшей мере 5 тысяч лет тому назад.

Понимание Чан Кайши сущности "китайской нации" основывалось на категорическом отрицании существования в Китае самостоятельных народов или этнических групп. Не этносы, а кланы как "ответвления одной и той же расы" населяют территорию Китая, писал Чан Кайши, в опубликованной в 1943 г. книге "Судьбы Китая" (14,2).

По мысли Чан Кайши, пять кланов (китайцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, хуэй; ср. "пять наций" периода Синьхайской революции) имеют различные наименования не в силу различий в происхождении, а лишь из-за несходства географических условий обитания, что явилось причиной возникновения дифференциации в области культуры. Такое понимание сущности "китайской нации" фактически снимало необходимость изучения и решения национального вопроса в Китае. Принятая гоминьдановским Национальным собранием Конституция Китайской республики декларировала, что Китай "всегда будет единым государством"; текст конституции не содержит упоминаний о праве народов на самоопределение.

Четвертая концепция чжунхуа миньцзу была сформулирована Мао Цзэдуном в учебном пособии "Китайская революция и КПК" в 1939 г. В нем отмечается, что все народы Китая должны иметь равные политические права: "мы признаем равноправие монголов, дунган, тибетцев, мяо, яо, и, фань и других народов с китайцами (ханьцзу), их право самим решать свои дела при условии участия в совместной борьбе с Японией и право на создание единого государства вместе с китайцами".

Все народы Китая и составляют в своей совокупности "китайскую нацию", которая имеет свои особенности и свою качественную определенность. Сложилась китайская нация в незапамятном прошлом. "Развитие китайской нации..., подобно другим нациям мира, прошло через несколько десятков тысячелетий бесклассового первобытного общества. С распадом первобытной общины, начиная с перехода общества к классовому состоянию, она прошла через рабовладельческий и феодальный строй, что к настоящему времени насчитывает примерно 4 тысячи лет" (7,592).

Нельзя не видеть прямой взаимосвязи между появлением в конце 30-х годов маоцзедуновской теории "китайской нации" и эволюцией основ национальной политики КПК.

В первые годы существования КПК (создана в 1921 г.) национальные проблемы практически не привлекали ее внимания. Термин "самоопределение наций" впервые встречается в Манифесте III съезда КПК (июнь 1923 г.), однако в контексте, имеющем отношение к освободительной борьбе Китая против империализма, а не в связи с правами народов страны как таковых. Лишь в сентябре 1928 г. на VI съезде КПК необходимость "объединить Китай, признавая право наций на самоопределение" была признана одним из 10 основных требований китайской революции. Исследователи обращают внимание на тот факт, что VI съезд КПК проходил в Москве, где воздействие Коминтерна на делегатов могло быть значительным. Это предположение находит косвенное подтверждение в том, что пленум ЦК КПК, собравшийся год спустя в Китае, не считал нужным включить вопрос о праве наций на самоопределение в число 15 наиболее злободневных политических задач партии.

Последние годы второго десятилетия и начало 30-х годов отмечены резкой активизацией интереса КПК к национальному вопросу. За поражением революции 1925-27 гг. и созданием гоминьдановского правительства в Нанкине последовало возникновение органов советской власти в ряде освобожденных районов страны, в том числе и там, где проживали национальные меньшинства. В феврале 1928 г. советское правительство было создано в уезде Линшуй на о-ве Хайнань, где значительную часть населения составляли ли и мяо; в декабре 1929 г. - Юцзянское советское правительство в районе расселения чжуан в Гуанси; в феврале 1930 г. - в провинции Хунань, где проживало значительное число мяо и т.д. Необходимость привлечения на свою сторону местного населения из числа национальных меньшинств выдвинуло разработку мероприятий по решению национального вопроса в число наиболее актуальных задач советской власти. В ноябре 1931 г. на Первом Всекитайском съезде советов было принято "Решение по вопросу о националь-

ных меньшинствах на территории Китая" – первый документ КПК, специально посвященный вопросам национальной политики. Наиболее существенной частью его было следующее заявление: "Китайская советская республика полностью и безусловно признает право национальных меньшинств на самоопределение. Это означает, что любая неханьская нация, составляющая большинство населения в том или ином районе Монголии, Тибета, Синьцзяна, Юньнани, Гуйчжоу и т.д., сама решает путем волеизлияния трудящихся масс данной нации: желает ли она выйти из Китайской советской республики и создать свое собственное независимое государство или же войти в советскую федерацию либо образовать автономный район в составе Китайской советской республики". Право народов Китая на самоопределение вплоть до отделения и создания независимого государства декларировалось и в принятой 7 ноября 1931 г. Конституции Китайской советской республики.

Декларирование права наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства сыграло существенную роль в создании благоприятных условий для осуществления Великого похода, маршрут которого пролегал преимущественно через районы расселения национальных меньшинств, в частности через земли "независимых лоло" в Сычуани, юрисдикция гоминьдановских органов власти на которые фактически не распространялась (согласие вождей лоло пропустить через свою территорию двигавшуюся на север Красную Армию явилось одним из решающих факторов успешного завершения Великого похода).

На проходившем в августе 1935 г. совещании в Маозэргэе было принято решение, определявшее основную линию работы среди национальных меньшинств: "Помогать им разворачивать движение за национальное освобождение и создание самостоятельных государств... После создания таких независимых государств, основанных на принципах добровольного волеизлияния и на равных правах с Китайской советской республикой, можно приступить к созданию Союза китайских советских республик".

Эти идеи были положены в основу всей практической работы

среди национальных меньшинств в 1935-37 гг. В подписанном Мао Цзэдунов обращении к народу Внутренней Монголии (декабрь 1935 г.) торжественно заявлялось, что монголы Внутренней Монголии "имеют право организовать свою жизнь в соответствии с принципом суверенитета, имеют право создать свое собственное правительство, право вступить в федеративные отношения с другими нациями, а также право на полное отделение". Составленная тогда же "Резолюция о текущем моменте и задачах партии" содержала призыв к монголам и хуэй добиваться национальной независимости.

Одним из важных документов, отражавших официальную позицию КПК по данному вопросу, была датированная октябрём 1937 г. брошюра Лю Шаоци (опубликована под псевдонимом Тао Шансин) "Основные проблемы антияпонской партизанской войны". Касаясь национальной политики КПК, автор утверждал в ней, что "все национальные меньшинства в пределах Китая должны осуществить самоопределение". Задача правительства состоит в том, чтобы оказать им практическую помощь в достижении независимости и самоуправления.

Во время "культурной революции" эта брошюра Лю Шаоци была использована в качестве одного из главных доказательств предательской антипартийной деятельности ее автора, пытавшегося расколоть единство и территориальную целостность Китая. Чем можно объяснить столь неадекватную оценку приведенных высказываний Лю Шаоци, полностью соответствовавших выработанному КПК курсу? Только тем, что вскоре после их публикации в политике КПК по национальному вопросу произошел резкий поворот.

Изменения в понимании права наций на самоопределение могут быть датированы ноябрём 1938 г., когда в своем выступлении на пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун впервые заявил, что самоопределение и равноправие народов Китая означает их право на автономию в рамках унитарного китайского государства.

Именно с отходом от признания за народами Китая права на самоопределение вплоть до отделения и трактовка их равноправия с ханьским этносом как право на создание автономий сле-

дует объяснять и изменения в официальном употреблении лидерами КПК термина "китайская нация".

В 1935-36 гг. чжунхуа миньцзу рассматривалось как синоним названия этнической общности собственно китайцев (хань), то есть этот термин употреблялся в документах КПК в том его значении, которое некогда было введено Лян Цичао. Так, в обращении к народу Внутренней Монголии 1935 г. говорилось: "Цель вооруженной борьбы Китайской Красной армии заключается не только в том, чтобы освободить всю китайскую нацию из-под гнета империализма и милитаризма, но и в борьбе за освобождение других малых наций, прежде всего за решение проблем народа Внутренней Монголии".

Вместе с тем уже в решении пленума ЦК КПК 1938 г., на котором Мао Цзэдун сформулировал новый курс партии в области национального вопроса, употребление термина "вся китайская нация" позволяло предполагать изменение его прежнего содержания. О том, что под "китайской нацией" отныне следовало понимать не этническую общность хань, а совокупность всех народов Китая, прямо говорит, например, текст "Тезисов о национальных проблемах монголов в условиях войны сопротивления" (июль 1940 г.): "Монгольская нация - часть китайской нации (чжунхуа миньцзу)". Вот почему Мао Цзэдун, как мы уже видели выше, специально обратился к проблеме китайской нации с целью теоретического обоснования единства и неделимости всех народов Китая.

Объективный сопоставительный анализ концепций "китайской нации" в том виде, как они были сформулированы Чан Кайши и Мао Цзэдуном, позволяет установить в них как различия, так и существенные черты сходства.

Точки зрения двух теоретиков расходятся в том их пункте, который касается признания реальности существования различных народов Китая. Народы или "кланы", восходящие к общему корню? От того или иного ответа на данный вопрос зависела позиция правительства в отношении к населению окраин. Начиная с 30-х гг. гоминьдановское руководство стремилось перевести уступки требованиям неханьского населения в русло ре-

шения Приграничных проблем". КПК пошло по пути реализации прав народов Китая посредством создания их территориально-национальных автономий.

В то же время обе концепции обнаруживают существенное сходство. Их центральная идея заключается в том, что все население Китая в его современном виде представляет собой единую общность, которая к тому же сложилась уже в глубокой древности. Именно этот тезис об исторически обусловленном и потому нерасторжимом единстве населения страны и должен был служить теоретическим основанием для утверждения унитарного государства как единственной формы, приемлимой в конкретных условиях Китая.

Курс КПК на реализацию прав народов Китая путем создания территориально-национальных автономий означал не только категорический отказ от признания права наций на отделение, но и фактическое снятие прежнего лозунга о самоопределении народов Китая. Показательны в этом отношении выступления одного из лидеров КПК Линь Боцюя. В январе 1939 г. в докладе правительства Пограничного района Шэньси-Нинся-Ганьсу он еще говорил о том, что "наши отношения с национальными меньшинствами основываются на принципе самоопределения наций"; спустя три года, в феврале 1942 г., в аналогичном докладе он уже не упоминал о самоопределении.

Накануне и после создания КНР курс КПК на предоставление народам Китая территориально-национальной автономии был закреплён в государственных правовых актах - "Общей программе Народной политической консультативной конференции" (1949) и Конституции КНР (1954). В этих документах устанавливалось, что все народы КНР равны; что в районах компактного проживания национальных меньшинств будут созданы национальные автономии различного уровня; что все национальные меньшинства Китая имеют право сохранять свои традиции, обычаи, религиозные верования и свой язык.

50-е годы составляют особый период в истории решения национального вопроса в Китае. В этот период была проведена широкомасштабная работа по определению этнического состава

населения страны, начался процесс создания автономных подразделений на местах, для многих ранее бесписьменных народов впервые разработана письменность, которая стала использоваться в средствах массовой информации и для преподавания в школах и т.д.

К 1958 г. в КНР были созданы автономные единицы четырех уровней.

К первому относились автономные волости, учреждавшиеся в соответствии с Конституцией 1954 г. в тех случаях, когда тот или иной народ не обладал достаточной численностью для создания автономии более высокого уровня или же был расселен дисперсно. Автономные волости были отменены в 1958 г. в связи с началом "большого скачка" и воссозданы четверть века спустя в соответствии с положениями Конституции КНР 1982 г.

Второй уровень составляли автономные уезды – основные единицы системы территориальной национальной автономии. К 1958 г. их насчитывалось 70. Третий уровень – автономные округа, объединявшие на своей территории более значительные по численности, нежели в уезде, группы населения неханьской национальности. В 1958 г. их количество достигло 29. Наконец, четвертый уровень – автономные районы. К автономному району Внутренняя Монголия, созданному в 1947 г., позднее были добавлены Синьцзян-Уйгурский (1955), Гуанси-Чжуанский (1955) и Нинся-Хуэйский автономный район (1958). В 1956 г. был создан Подготовительный комитет Тибетского автономного района; официальное провозглашение последнего произошло в 1965 г.

XX съезд КПСС и прозвучавшая на нем критика "культы личности" оказали на первых порах известное воздействие и на политику КПК, включая ее политику в отношении национальных меньшинств. Выступая на заседании Политбюро ЦК КПК в апреле 1965 г. Мао Цзэдун среди "обнаруженных за последнее время недостатков и ошибок, которые имели место в ходе строительства социализма в Советском Союзе" назвал и национальные проблемы, призвав "извлечь из этого урок". Продолжением этого хода мысли была речь Мао Цзэдуна на Высшем государственном совете КНР в феврале 1957 г. В ней был сформулирован призыв к дифференци-

рованному подходу к различным народам Китая в зависимости от особенностей их культуры и уровня социально-экономического развития, что означало допустимость различных темпов строительства социализма в разных районах страны. При этом подчеркивалось, что главной задачей на современном этапе является преодоление великоханьского шовинизма, хотя и шовинизм и местный национализм рассматривались как проявления неантагонистических противоречий "внутри народа".

Однако очень скоро в национальной политике КПК произошел очередной поворот.

Начавшаяся в 1957 г. "борьба с правыми элементами" и последующий "большой скачок" непосредственно затронули и общественно-политическую ситуацию в районах расселения национальных меньшинств. Началась кампания по политической дискредитации местных лидеров, допустивших когда-либо критические замечания по поводу правильности или эффективности мероприятий правительства в отношении малых народов страны. Идеологическим обоснованием начавшегося свертывания практической деятельности автономных образований стало выдвинутое Мао Цзэдуном положение о том, что "национальные противоречия суть противоречия классовые".

В течение десяти лет "культурной революции" законоположения о статусе и правах территориально-национальных автономий были фактически отменены, а провозглашенная в первые годы после создания КНР линия на укрепление автономий объявлена порождением контрреволюционного ревизионистского курса и орудием искусственного расчленения Отечества. Мероприятия, направленные на ликвидацию автономий, были объективной базой для осуществления ускоренной насильственной ассимиляции национальных меньшинств. В эти годы широкое распространение получил тезис о слиянии народов КНР в их ближайшей исторической перспективе. Активно пропагандировавшаяся идея прогрессивности быстрого перехода национальных меньшинств на китайский язык способствовала прекращению всей работы по созданию и совершенствованию письменности для языков некитайских народов страны.

Идеологическая база национальной политики, проводившейся в период "культурной революции", была подвергнута критическому рассмотрению лишь в ходе важных внутривнутриполитических изменений, последовавших в КНР за решениями 3-го пленума ЦК КПК в декабре 1978 г. Начался постепенный процесс восстановления того положительного, что было достигнуто в области национальных взаимоотношений в первое десятилетие КНР. Были разработаны и начали осуществляться на практике новые законодательные акты по национальному вопросу. Именно работа в области законодательного обоснования национальной политики стала наиболее существенной отличительной чертой этого нового этапа в истории решения национального вопроса в Китае.

В Отчетном докладе ЦК КПК XII съезду партии (1982) было вновь обращено внимание на исключительное значение национального вопроса в условиях Китая - "вопроса огромной важности, от решения которого зависят судьбы страны". Отражением этой озабоченности состоянием межнациональных отношений стало также принятие в 1982 г. новой Конституции КНР.

Эта Конституция прежде всего содержит целый ряд фундаментальных положений, зафиксированных прежней Конституцией 1954 г., но не нашедших отражения в принятой во время "культурной революции" Конституции 1975 г. Кроме того, многие моменты национального строительства получили в ныне действующем основном законе КНР более конкретную разработку. Из общего числа 138 статей 16 имеют в нем отношение к проблемам национальных меньшинств.

В Преамбуле Конституции говорится: "Китайская Народная республика является унитарным многонациональным государством, совместно созданным народом всех национальностей страны. Социалистические национальные отношения равенства, единства, взаимопомощи уже созданы и будут продолжать укрепляться. В борьбе за единство наций необходимо выступать как против шовинизма (прежде всего - великоханьского шовинизма), так и против местного национализма. Государство приложит все силы, чтобы способствовать совместному процветанию всех наций стра-

ны".

В главе I определяется, что все народы КНР обладают равными правами, государство обеспечивает законные права и интересы всех национальных меньшинств. Запрещаются любые формы дискриминации и угнетения по отношению к любой национальности, запрещаются действия, подрывающие единство наций и ведущие к их противостоянию. Далее устанавливается, что "в районах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется территориальная национальная автономия, создаются органы самоуправления, осуществляется право на самоуправление. Все национальные автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. Все нации свободны в использовании и развитии своего языка и письменности, они имеют право сохранять или изменять свои обычаи и привычки".

Раздел 6 главы 3 определяет, что во главе органов самоуправления автономного района, округа или уезда должен стоять представитель национального меньшинства, осуществляющего самоуправление (статья II4); органы самоуправления автономной административной единицы самостоятельно несут ответственность за ее экономическое развитие в соответствии с государственными планами (статья II8), а также развитие культуры, сохранение традиций местного населения, исходя из стремления к прогрессу и процветанию (статья II9). Конституция содержит также две статьи, отсутствовавшие в тексте Конституции 1975г., относительно права автономных единиц на распоряжение собственными финансами (статья II7) и силами поддержания общественного порядка (статья I20).

В 1984 г. был принят Закон о территориальной национальной автономии КНР. В соответствии с положениями этого закона в национальных автономиях началась работа по выработке Положений об автономии, которые отныне должна иметь каждая автономная единица.

Попробуем резюмировать основные законодательные положения, лежащие в основе функционирования системы территориальных национальных автономий в КНР.

Что касается общих принципов формирования автономий, то

автономные единицы, существующие в настоящее время в КНР, являются территориально-национальными по своей сущности. Субъектом автономии здесь выступает не народ и не территория как таковая, а принадлежащее к той или иной этнической общности население, компактно проживающее на определенной территории. Соответственно предусматривается создание автономных единиц трех категорий:

1. Автономия, созданная в пределах компактного проживания одного народа. Примерами такого рода является Нинся-Хуэйский автономный район, Ляньбяньский корейский автономный округ и т.д.

2. Автономия, созданная на основе района компактного проживания какого-либо народа и включающая территорию одного или нескольких народов, численно уступающих первому. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе помимо уйгуров живут казахи, киргизы, узбеки, дахуры и другие народы; в Гуанси-Чжуанском автономном районе — не только чжуан, но еще яо, мяо, дун, маонань, мулао и пр.

3. Автономии, создаваемые совместно двумя или более народами. К этой категории относятся, например, Веньшаньский чжуан-мяоский автономный округ, Юаньцзянский хани-ицзу-тайский автономный уезд и т.д.

При этом предусматривается, что в случае, если в районе компактного проживания одного народа существуют меньшие по территории и численности населения иноэтнические анклавы, то на основе последних возможно создание автономных образований более низкого уровня. В частности, в автономном районе Внутренняя Монголия были учреждены аймаки (уезды) ороченгов, дахуров и эвенков.

Учитывая относительность понятия "компактное проживание", большое значение имеет вопрос о том, какой процент населения данной территориальной единицы должны составлять представители неханьской национальности. Законодательные акты КНР не содержат однозначного ответа на этот вопрос. Анализ этнического состава существующих ныне автономных образований показывает, что лишь незначительная часть их характеризуется пре-

обладанием (более 50%) неханьского населения; в большинстве случаев доля последнего составляет от 30 до 50% общей численности населения; в некоторых случаях она снижается до нескольких процентов. В среднем по стране 57,4% населения автономных образований различного уровня составляют китайцы (хань). За годы существования КНР доля неханьского населения в структуре автономных образований имеет тенденцию к сокращению, что объясняется внутренними миграциями ханьцев, связанными с хозяйственным освоением окраинных районов. Следует заметить, что эта тенденция вызывает недовольство некоторых национальных меньшинств. Так, в 80-х гг. во Внутренней Монголии были отмечены выступления местного населения с протестами против предполагавшегося массового переселения на территорию этого автономного района большого числа ханьцев.

В основе создания автономных единиц разного уровня лежит, таким образом, принцип географического размещения народов КНР. В то же время подчеркивается, что при установлении границ автономий учитывались также и иные факторы. Если, например, территория автономного района Внутренняя Монголия достаточно определенно сложилась исторически, то при создании Синьцзян-Уйгурского, Нинся-Хуэйского и Гуанси-Чжуанского автономных районов принимались во внимание соображения, определяющие перспективы экономического развития автономных единиц. Хотя на территории ряда пограничных с Тибетом провинций Сучуань, Цинхай, Ганьсу, Юньнань компактно проживают тибетцы, эти районы не вошли в состав Тибетского автономного района. Как отмечают исследователи, причиной тому были исторические традиции – давнее существование в перечисленных провинциях раздельного административного деления.

Совокупность автономных образований составляет часть единого административного деления страны, однако в определенном смысле не равнозначна обычным административным единицам. В этой связи подчеркивается значение наименования той или иной автономии. Согласно Закону о территориальной национальной автономии КНР, "наименование автономного образования включает,

за исключением некоторых особых случаев, географическое название, этноним и обозначение уровня автономии". К "особым случаям" относятся наименования автономного района Внутренняя Монголия и Тибетского автономного района, в которых само географическое название содержит указание на этноним. Некоторые автономии, напротив, не имеют в своих названиях топонима: Ороченский автономный аймак, Дунсянский автономный уезд и т.д. Объясняют это отступление от общего правила тем обстоятельством, что, например, на территории автономного района Внутренняя Монголия существует только один ороченский автономный аймак, так что в данном случае не возникает необходимости в самом наименовании автономии отличать ее от какой-то другой. К числу исключений относятся также Луншэнский и Лунлиньский автономные уезды, в названиях которых не указывается каким народам они принадлежат, так как оба они многонациональны. Такое объяснение, впрочем, неудовлетворительно, поскольку, в частности, в Синьпинском ицзу-тайском автономном уезде живут ицзу, тай и хани; Чжэнфэнский буи-мяоский автономный уезд населен буи, мяо, яо, гэлао и хуэй, и т. д.

Что касается органов самоуправления территориально-национальных автономий, то они включают "органы власти" и "административные органы". К сфере органов власти в автономных районах, округах и уездах относятся собрания народных представителей (СНП). Народные представители автономных уездов избираются путем прямых выборов; округов и районов - собраниями народных представителей автономных образований более низкого уровня. Численный состав СНП автономного района определяется решением постоянного комитета СНП этого района, а автономного округа или уезда - решением постоянного комитета СНП района или провинции.

Собрания народных представителей создают соответствующие постоянные комитеты в составе председателя, заместителей председателя, секретаря и членов комитета общей численностью 35-65 чел. для автономного района, 13-35 чел., - для автономного округа и 11-19 чел. - для уезда.

Члены постоянных комитетов не могут одновременно занимать какие-либо должности в системе административных судебных или контрольных органов. Собрания народных представителей созываются соответствующим постоянным комитетом не реже одного раза в год. Народные представители в автономном районе и округе избираются сроком на 5 лет, в автономном уезде - на 3 года.

Функции административных органов автономных образований выполняют народные правительства (НП) автономного района, округа, уезда. Правительства автономий подотчетны в своей работе соответствующему собранию народных представителей, а в перерывах между сессиями последнего - постоянному комитету СНП. Одновременно правительства автономии подчиняется органам административной власти более высокого уровня, а в конечном счете - Государственному совету КНР.

Национальный состав лиц, участвующих в органах управления автономных единиц, рассматривается как важнейший аспект осуществления прав наций на автономию и принципа равноправия наций. Регулируется он посредством определения численности населения, избирающего своего представителя в органы власти. Если какой-то народ составляет более 30% всего населения данной автономной единицы, число избирателей, делегирующих одного представителя, соответствует установленной норме; если доля лиц данной национальности составляет 15%, каждый представитель ее избирается вдвое меньшим числом избирателей; в любом случае от каждого народа, проживающего на территории данного автономного образования, в органах власти должен быть по меньшей мере один представитель. Именно тот факт, что представители национальных меньшинств могут быть делегированы меньшим числом избирателей, чем представители от ханьского населения, а также отдельные выборы от каждой национальности рассматриваются как воплощение закрепленного Конституцией принципа равноправия всех народов КНР.

Установлено, что председателем или заместителем председателя постоянного комитета собрания народных представителей автономного образования должен быть представитель националь-

ности, образующей автономию. Это правило относится также к председателю автономного района, начальнику автономного округа и уезда. В состав народных правительств автономных единиц всех уровней должны "по возможности" входить представители народа, осуществляющего автономию, а также других народов, проживающих на территории данной автономной единицы. Здесь действует то же правило, что и при определении численности избирателей, делегирующих своих представителей в органы власти: чем меньше доля лиц данной национальности в общей численности населения автономии, тем меньше может быть число избирателей этой национальности, интересы которых данный делегат представляет в органах управления. Так или иначе, национальность руководителя органов власти и администрации автономии зависит от того, какой народ считается осуществляющим автономию в рамках данной единицы. Это означает, что, хотя, скажем, в Нинланском ицзуском автономном районе провинции Юньнань помимо ицзу проживают наси, пуми и тибетцы, представители трех последних народов в принципе не могут возглавлять местное Собрание народных представителей или быть начальником данного уезда. Однако, как мы видели выше, четкие принципы того, какие народы из числа населяющих ту или иную автономную единицу считаются осуществляющими в ней автономию и упоминаются в официальном названии этой единицы, в законодательных актах КНР однозначно не сформулированы.

Что касается осуществления прав народов КНР на автономию, то в политической сфере это означает, что органы власти автономных образований (СНП) правомочны в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями представляемого ими народа самостоятельно разрабатывать Положения об автономии. Положения об автономных районах вступают в силу после утверждения Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, положения об автономных округах и уездах — Постоянными комитетами СНП соответствующей провинции или автономного района.

В случае, если решения, постановления, распоряжения

и приказы вышестоящих государственных органов вступают в противоречие с требованиями конкретной ситуации автономного образования, органы власти последнего могут требовать приостановления действия или отмены соответствующих административных актов.

В процессе делопроизводства органы самоуправления автономного образования имеют право пользоваться одним или несколькими языками и письменностями, имеющими хождение у народов, осуществляющих автономию.

В соответствии с потребностями экономического и культурного развития автономные образования осуществляют подготовку собственных административных и научно-технических кадров. При зачислении на вакантные должности осуществляется политика предоставления преимуществ представителям местных неханьских национальностей.

Конституция КНР и Закон о территориальной национальной автономии также определяет, что в связи с конкретными потребностями автономных единиц в рамках единой государственной системы воинской службы с разрешения Государственного совета КНР могут образовываться местные силы по поддержанию общественного порядка, являющиеся составной частью единых вооруженных сил КНР.

В экономической сфере право на автономию означает, что органы управления автономными образованиями могут с учетом общегосударственных интересов и исходя из местных нужд и потребностей самостоятельно определять курс экономического развития и использовать имеющиеся природные ресурсы в интересах населения данной автономной единицы. В области планирования органы управления автономных единиц имеют право с учетом государственных планов разрабатывать и принимать собственные хозяйственные планы.

На основании действующего законодательства и исходя из местных хозяйственных особенностей органы управления автономных образований, могут принимать меры к рациональному регулированию производственных отношений и осуществлять реформу системы управления народным хозяйством. Им дано право опре-

делять **формы** собственности и владения пастбищными угодьями и лесами на территории своей автономной единицы.

Органы управления автономных образований разрабатывают и осуществляют мероприятия по рациональному использованию и охране природных ресурсов на своей территории. Они имеют право запрещать любые действия отдельных организаций и лиц, наносящие ущерб природным богатствам, а также преимущественное право разработки и использования природных ресурсов на соответствующей территории.

Автономные образования, исходя из имеющихся в их распоряжении финансовых, материальных и людских средств, по своему усмотрению определяют объекты капитального строительства, руководствуясь при этом интересами экономического развития данного региона.

Органы управления автономных образований могут решать вопросы, связанные с обеспечением функционирования производственных мощностей местного подчинения, а также распоряжаться реализацией промышленной и сельскохозяйственной продукции при условии выполнения государственного плана поставок. Вышестоящие государственные органы не имеют права менять уровень подчинения промышленных и иных производственных объектов, находящихся на территории автономного образования без согласования с его органами власти.

Сообразуясь с правилами, определяемыми государственными органами, автономные образования могут осуществлять самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. В частности, с разрешения Государственного совета КНР они имеют право вести приграничную торговлю с соседними странами. Государство гарантирует привилегии, которыми в процессе своей внешнеэкономической деятельности пользуются автономии.

В финансовой сфере национальные автономии представляют собой низовое звено единой государственной финансовой системы. Органы управления автономий имеют право самостоятельно распоряжаться местными финансовыми средствами. Они решают вопросы распределения и использования всех финансовых поступлений, которые отнесены к их компетенции законодательством

КНР. Статьи доходов и расходов местного бюджета устанавливаются исходя из принципа благоприятствования бюджетам автономных образований. Суммы отчислений в пользу государства определяются фиксированными нормами, которые действуют на протяжении ряда лет и не могут подлежать пересмотру. В случае, если поступления бюджета недостаточны для покрытия статей расходов, органы самоуправления автономных образований имеют право запрашивать дотации от вышестоящих государственных органов. Средства, сэкономленные в процессе исполнения бюджета, могут использоваться автономными образованиями по своему усмотрению.

В ходе осуществления государственной системы налогообложения помимо объектов, в отношении которых снижен налог или которые освобождены от уплаты налога на основании единых государственных критериев, органы власти автономных образований могут самостоятельно определять, какие промышленные предприятия местного подчинения могут быть освобождены от налогообложения.

В области культуры и просвещения автономные образования в лице своих органов самоуправления могут разрабатывать и осуществлять планы развития, включая создание новых учебных заведений, определение их типа и форм, содержания обучения и правил набора учащихся.

Они имеют право способствовать развитию литературы, искусства, средств массовой информации, кино и телевидения на национальных языках. В их компетенцию входит охрана национальных памятников материальной и духовной культуры.

Автономии имеют право осуществлять контакты и обмен с общественными, научными и культурными учреждениями зарубежных стран.

В условиях проведения общей демографической политики КНР большое значение имеет право органов самоуправления автономных образований вводить конкретные правила, касающиеся контроля за рождаемостью, с учетом специфики местных условий и национальных (религиозных) традиций. В отдельных случаях контроль за рождаемостью применительно к некоторым группам не-

ханьского населения вообще отменен.

В плане языкового строительства, исходным положением, определяющим статус языков неханьских народов страны, является статья 4 Конституции КНР "Все народы имеют право на свободное употребление и развитие собственных языков и письменностей." Статья 121 Конституции устанавливает, что органы власти автономного образования вправе пользоваться теми языками, которые признаны в качестве таковых соответствующим Положением об автономии.

Конституция гарантирует право граждан любой национальности пользоваться в ходе судопроизводства своим родным языком и письменностью.

Статьи Конституции, определяющие права народов и языков, конкретизированы в Законе о территориальной национальной автономии, а также в Положениях об автономии. Так, Положение о Яньбяньском корейском автономном округе устанавливает, что органы власти этого округа пользуются в качестве рабочих корейским и китайским языками, причем корейский язык определяется как основной.

Закон формулирует право использовать в национальных школах "при наличии соответствующих условий" учебники на языках национальных меньшинств; в школах с преобладающим составом учащихся неханьской национальности обучение должно вестись на соответствующем языке. Законодательная гарантия права обучения в начальной школе на национальном языке предусматривает в то же время введение китайского языка в программу обучения старших классов начальной школы и в средней школе.

В Законе о выборах во Всекитайское собрание народных представителей (1986) включена статья, предусматривающая употребление национальных языков в ходе проведения выборов.

Весьма существенным является постулируемый законодательными актами КНР принцип добровольности в выборе основного языка делопроизводства и образования.

Таковы в кратком изложении основные моменты законодательных актов КНР, регламентирующих статус и права территориальных национальных автономий.

Представляется, что одним из объективных показателей позитивных результатов преобразований, проводимых в русле осуществления политики территориально-национальной автономии в Китае, могут служить некоторые наблюдения над динамикой численности национальных меньшинств на протяжении последнего десятилетия.

Публикация предварительных итогов переписи населения КНР 1990 г. позволяет выявить существенные сдвиги в численности народов страны по сравнению с предыдущей переписью 1982 г. Среди национальных меньшинств лишь корейцы имели более низкие темпы прироста населения (около 1,1% в год), чем китайцы-хань (1,35%). Численность значительной части народов КНР увеличивалась гораздо более быстрыми темпами - в среднем от 2 до 5% в год, что более или менее укладывается в диапазон теоретически допустимых вариаций естественного прироста населения. Наряду с этим, ряд народов дает показатели роста, заведомо необъяснимые спонтанно протекающими демографическими процессами. Так, численность народа шэ увеличивалась после 1982 г. в среднем почти на 9% в год, гаошань (живут на территории КНР главным образом в пределах провинции Фуцзянь) - почти на 11%, маонань - более чем на 11%. Показатели увеличения численности некоторых других народов еще более разительны: за восемь лет туцзя стало в Китае вдвое больше, чем в 1982 г., численность сибо увеличилась за то же время на 106%, маньчжуров - на 128%, хэцжэ - на 187%, русских - на 360%, а гэлао - 714%!

Объяснить такие скачки в численности отдельных этносов можно только тем, что их представители, ранее заявлявшие о своей принадлежности к китайцам (хань), во время последней переписи записали себя относящимися к одной из неханьских этнических общностей. По условиям, существующим в КНР, изменить свой этнический статус может лишь человек, который докажет, что к числу национального меньшинства принадлежал кто-либо из его предков. Учитывая, что абсолютное большинство народов Китая, функционирующих как устойчивые этнические общности, практикуют этническую эндогамию, на изменение нацио-

нальности могли претендовать лишь представители тех народов, которые в той или иной мере затронуты процессом ассимиляции и у которых произошел прорыв жестких эндогамных границ. И действительно, гэлао, хэчжэ, маньчжуры, туцзя, сибо и некоторые другие народы, обнаружившие превышающий пределы естественного прироста скачок в численности, относятся к числу общностей, значительно затронутых ассимилятивными процессами. (Особое место здесь занимают, по-видимому, русские, вовсе не заинтересованные в афишировании своей этнической принадлежности в период, когда в памяти еще были свежи эксцессы китайско-советского конфликта). Что же касается других перечисленных народов, то побудительным мотивом для причисления их значительной части к национальным меньшинствам несомненно являются сдвиги в реализации прав неханьского населения КНР. Это-то и может рассматриваться как объективный, хотя и косвенный показатель эффективности национальной политики КПК.

Вместе с тем, оценивая опыт национального строительства в КНР и сознавая бесперспективность огульного отрицания его результатов было бы неверным впадать в противоположную крайность и идеализировать успехи, достигнутые в отношении национальных меньшинств в Китае. Представляется, что целый ряд проблем заслуживает нашего пристального внимания и более предметного рассмотрения.

К числу таких проблем относятся прежде всего те исходные общетеоретические положения, которые лежат в основе всей системы конкретных общественно-политических мероприятий, направленных на осуществление территориально-национальной автономии в КНР.

Как мы видели выше, в конце 30-х гг. произошел резкий поворот в национальной политике КПК. От признания права наций на самоопределение вплоть до отделения от Китая и создания независимого государства идеологи партии пришли к категорическому отрицанию этого права и утверждению, что единственным путем решения национального вопроса, приемлемым в конкретных условиях Китая, является предоставление нехань-

ским народам территориально-национальной автономии. Теоретическим обоснованием последней точки зрения должна была стать сформулированная Мао Цзэдуном концепция единой китайской нации.

При этом многие китайские исследователи полагают, что использование термина чжунхуа миньцзу для обозначения этнической общности собственно китайцев (хань), свойственное многим партийным документам начала 30-х гг., являлось результатом недостаточного проникновения в сущность соответствующего понятия, а новая трактовка его представляет собой важное теоретическое достижение. Между тем совершенно очевидно, что формулированию четвертой по счету концепции китайской нации не предшествовала сколько-нибудь серьезная исследовательская работа или обобщение конкретных фактов о степени интеграции всех народов Китая в единое целое на разных этапах их истории. Напротив, исследования китайских этнографов 30-х гг. показывали, что, говоря словами одного из наиболее авторитетных китайских этнографов и социологов того времени У Вэньцзао, не только многие тысячи лет назад, но и во второй четверти XX в. "все народы /Китая/ еще не сформировали единого этнического самосознания..., многочисленные сложные по своему составу компоненты еще не сложились в аспекте языка, культуры и форм сознания в одну большую этническую общность".

Существенным изъяном понятия "китайская нация", сформулированного Мао Цзэдуном, было также то обстоятельство, что оно предполагает существование внутри китайской нации составных частей, которые также являются "нациями (с чисто логической точки зрения концепция Чан Кайши в этом смысле выгодно отличается от толкования Мао Цзэдуна). Усилия некоторых китайских ученых были поэтому направлены если не на преодоление, то хотя бы на разъяснение этого противоречия. Согласно одной интерпретации, предложенной Фэй Сяотуном, чжунхуа миньцзу, состоящая из совокупности всех народов Китая, представляет собой общность более высокого таксономического уровня (то есть является подобием того, что советские ученые за

последние годы стали обозначать термином "метаэтническая общность"). Все чаще раздаются голоса ученых, указывающих на противоречивость и несистемность принятой сейчас интерпретации понятия "китайская нация", которая имеет право на существование в обыденной речи, но лишена конкретного содержания и должного теоретического обоснования.

Вряд ли можно отрицать тот факт, что в настоящее время общепринятая концепция "китайской нации" играет в КНР примерно ту же функциональную роль, которая была предназначена мертворожденному псевдо-теоретическому понятию "советский народ как новая историческая общность людей": при всем различии этих двух концепций (первая общность сложилась якобы в незапамятные времена, вторая есть порождение завоеваний социалистического строя) они не имеют под собой какого-либо научного основания и были призваны методологически обосновать правомерность функционирования унитарного государства, вопреки общепризнанным сегодня нормам международного права, узаконившего стремление народов к самоопределению.

Не менее принципиальной представляется также проблема, от адекватности решения которой зависит эффективность конкретных мероприятий, направленных на обеспечение национальных прав народов: прежде чем осуществить на практике лозунг равноправия народов необходимо знать, какие народы живут в данной стране.

Первые систематические попытки охарактеризовать этнический состав населения Китая относятся к 30-м гг. (заметим, что одним из первых опытов такого рода была работа советского синоведа М.И.Казанина). Лишь в середине 50-х гг. этнографами КНР проведены широкомасштабные исследования, позволившие составить список народов КНР, который затем был утвержден Государственным советом. Учитывая последующие дополнения, этот перечень включает сегодня 56 позиций.

Отдавая должное усилиям китайских ученых, в короткий срок выполнивших труднейшую и не имевшую прецедентов задачу, нельзя не признать, что в процессе этой работы были допущены серьезные просчеты и ошибки. Они объясняются прежде всего тем,

что в 50-х гг. этнографическая наука еще не располагала сколько-нибудь надежными критериями, которые могли бы быть положены в основу идентификации этнических общностей. В таком же положении были между прочим и советские этнографы, осуществлявшие аналогичную работу двумя десятилетиями ранее. Начатые в предшествовавшие годы активные разработки в области теории этноса были прерваны в СССР в конце 20-х гг., а само понятие "этнос" политически дискредитировано. Китайская этнография, целиком ориентировавшаяся после 1949 г. на "опыт СССР", восприняла догматизм официальной советской этнографической науки и в ходе исследований по определению этнического состава населения КНР не располагала научно обоснованными ориентирами в этой работе, если не считать "четырех признаков нации", сформулированных некогда Сталиным. В результате при определении этнических общностей совершенно не учитывалась такая важнейшая их черта как этническое самосознание, отражающееся в общем самоназвании. Исследователи фактически полностью абстрагировались от того, как определяют свою этническую принадлежность сами представители малых народов. Официальные наименования этносов лишь в редких случаях были ориентированы на самоназвания, чаще всего представляя названия со стороны, традиционно используемые соседним ханьским населением (хотя хорошо известно, что подобные экзоэтнонимы зачастую искажают реальную этническую картину).

Можно указать также на примеры чисто волюнтаристского конструирования этнонимов, призванных закрепить мнимое существование общностей, которые в действительности не осознавались в качестве таковых входящими в их состав реальными этносами. Так, еще в конце 30-х гг. Мао Цзэдун ввел в употребление несуществовавший ранее этноним "и" ("ицзу"), с помощью которого в качестве единого народа обозначалась совокупность близкородственных, но самостоятельных этносов тибето-бирманского происхождения - носу, лоло, липо, сани, аси, пула, цзино и т.д. Несмотря на то, что они говорили на языках, зачастую полностью исключавших возможность взаимопонимания, резко отличались друг от друга по особенностям материальной

и духовной культуры и не имели общего самоназвания, название "ицзу" вошло в список национальных меньшинств Китая и в соответствии с этим в 1951-58 гг. в КНР были созданы территориально-национальные автономные образования ицзу: Ляншаньский и Чусюнский автономные округа, Эшаньский, Лунаньский, Нинланский, Наньцзяньский автономные уезды, а также несколько автономных единиц, организованных для ицзу совместно с хани и хуэй.

В 50-х гг., когда проводилась работа по определению этнического состава населения КНР и созданию соответствующих территориально-национальных автономий, ситуация в районах расселения национальных меньшинств была такова, что неотложного решения требовали прежде всего задачи обеспечения минимально необходимого уровня жизни, борьбы с голодом и т.д. В этих условиях суждения об этнической принадлежности тех или иных групп населения, принимавшиеся властями по рекомендации ученых или даже по своему собственному усмотрению, не очень волновали тех, чья этническая судьба решалась в тот момент.

Начиная с 70-х гг. представители многих национальных меньшинств начали выражать свое недовольство тем, что вопрос об их этнической принадлежности был решен без учета их собственного мнения. Еще в 60-х гг. в правительственные органы начали поступать многочисленные заявления с требованием признать самостоятельное существование некоторых этносов, ранее искусственно объединенных с другими. Некоторые из этих требований были удовлетворены (например, народ цзино, который до тех пор рассматривался как составная часть ицзу, был признан отдельной этнической единицей). Но уже в 70-х гг. процесс частичного приведения списка народов КНР в соответствие с реальным положением вещей начал тормозиться. Не получил до сих пор положительного решения, в частности, вопрос о признании самостоятельности народа байма (несмотря на совпадение в данном случае волеизъявления самого народа с мнением изучавших его этнографов). Известный компромисс был достигнут в отношении пула, отказывающихся признавать себя частью ицзу

(в СРВ пула, кстати, считаются самостоятельным этносом): в некоторых официальных документах они именуется сейчас "ицзу-пула". На неопределенный срок отложено принятие Положения о Лицзянском автономном уезде наси, так как официально относимый к наси этнос (хань часто называют его мосо) решительно протестует против объединения с наси и требует признания своей самостоятельности. Во время проведения полевых этнографических исследований среди талу (также официально включаемых в состав ицзу) приходилось слышать выражение недовольства представителей этого народа по поводу того, что вопрос об их этнической принадлежности решается не ими самими, а администраторами-ханьцами.

Принцип равноправия наций предусматривает помимо всего прочего и прежде всего право народа на признание его в том качестве, в каком он осознает сам себя, без навязывания ему мнения на сей счет какого бы то ни было другого народа. Ясно, что реально существующие этносы, не получившие признания в качестве самостоятельных народов, лишаются тем самым права на создание собственных автономий. Эта проблема, которая достаточно остро стоит уже сегодня, может стать источником межэтнического напряжения в недалеком будущем, по мере того, как этническое самосознание народов КНР будет укрепляться.

Следующая проблема связана с толкованием самого основополагающего принципа решения национального вопроса - равноправия наций. Будучи взят в своей абстрактно-теоретической форме, он предполагает, что равные права в политической, экономической и культурной области имеют все народы страны вне зависимости от каких-либо их особенностей, включая численность населения. Тем не менее практика осуществления территориальной национальной автономии в КНР неизбежно подводит к необходимости дать ответ на вопрос: что практически означает обладание равными правами для ханьского этноса, насчитывающего на конец 1990 г. более 1 млрд, 42 млн. 480 тыс. человек и, скажем, того же народа цзино (18 тыс. человек)?

В политической сфере главным каналом реализации равно-

правления народов КНР является уравнивание их в смысле возможностей избирать своих представителей в органы законодательной власти на всех уровнях административной структуры государства - от уезда до страны в целом, причем национальные меньшинства пользуются в этом отношении известными привилегиями (некоторое увеличение квоты народных представителей, избираемых от малочисленных и дисперсно расселенных этносов). Поскольку в избирательной системе КНР действует принцип пропорционального представительства от равного числа избирателей, даже с указанными поправками количество избранных от различных по численности народов резко дифференцировано. Очевидно, что степень реального участия в механизме принятия решений в этом однопалатном органе высшей законодательной власти КНР не может быть одинаковой у более чем двух тысяч представителей китайского населения страны, с одной стороны, и одного представителя от народа цзино (как, впрочем, и у всех 319 представителей от национальных меньшинств вместе взятых).

То же самое может быть сказано и о политических правах народов КНР, реализуемых через систему территориальной национальной автономии. Уровень автономного образования (район, округ, уезд) зависит от численности того или иного народа и степени компактности его проживания. Автономии разного уровня имеют неодинаковые возможности в отношении самостоятельно принимаемых решений (автономные районы приравнены в этом смысле к провинциям, постановления же окружных и уездных автономных органов власти вступают в силу после утверждения их правительством автономного района или провинции). Численностью определяется также вопрос о том, какой народ из числа расселенных в пределах того или иного автономного образования считается осуществляющим автономию; политические права последнего более значительны, чем права прочих народов, проживающих вместе с ним в той же автономной единице. В этом заключается объективная причина того, что зачастую противоречия между численно преобладающим этносом, осуществляющим автономию в пределах данной автономной единицы, и другими уступающими ему по численности народами, живущими в непосред-

венной близости с ним на территории того же автономного образования, оказываются более острыми, чем противоречия каждого из этих народов и ханьским населением (пример такого рода дает нам Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Таким образом, в самой действующей системе территориальной национальной автономии заложены факторы, препятствующие реальному осуществлению политического равноправия народов. С другой стороны, можно обнаружить и явные отступления от декларируемых принципов предоставления автономии народам страны. Так, насчитывающие более 7 млн. человек мяо, проживающие к тому же преимущественно в пределах одной провинции Гуйчжоу, имеют не автономный район, а три автономных округа, два из которых созданы к тому же совместно с буи (общая численность 2,5 млн. чел.); в масштабе всей провинции доля мяо в общей численности населения составляет более 20%. В то же время монголы Внутренней Монголии, насчитывающие 4,8 млн. чел. (около 13% населения) имеют автономию высшего уровня. К этому следует добавить, что такие народы как узбеки (14 тыс.), цзино (18 тыс.), цуми (29 тыс.) не имеют своей автономии на уровне уезда, хотя таковую имеют орочены (около 7 тыс.), дулун (5 тыс.) и т.д.

Пристальное внимание научной общественности КНР привлекает за последние годы вопрос о равноправии народов страны в экономической сфере, или так называемая проблема "преодоления фактического неравенства" национальных меньшинств. Как и в области политических прав, экономические возможности различных народов Китая в значительной мере определяются тем, автономией какого уровня они обладают (бюджетные потенциалы автономного района и уезда естественно неодинаковы). Однако особую остроту разрыв в экономическом положении отдельных народов в сравнении с ханьским этносом приобретает по мере развертывания экономической реформы. Отказ от уравниловки в распределении капиталовложений и курс на первоочередное развитие приморских районов, располагающих наибольшими возможностями для привлечения иностранного капитала, создания совместных предприятий с использованием передовых техноло-

гий и налаживания непосредственных внешнеэкономических связей уже привели к тому, что глубинные районы страны, где по преимуществу проживают национальные меньшинства, могут теперь рассчитывать на меньшую долю централизованных инвестиций. Как следствие этого происходит относительное замедление темпов экономического развития национальных районов, причем в перспективе эта тенденция будет проявляться все более определенно. Таким образом, различия в уровне экономического потенциала ханьского этноса (прежде всего в приморских и центральных регионах), с одной стороны, и большинства неханьских народов будут не нивелироваться, как это предполагалось первоначально, а, наоборот, увеличиваться.

Немало нерешенных вопросов существует в обеспечении равноправия народов КНР в области культуры и языка. Как упоминалось, в 50-х гг. учеными КНР при содействии советских лингвистов была начата работа по созданию письменностей для ранее бесписьменных народов. В этом деле были достигнуты несомненные успехи, которые, однако, фактически были сведены на нет произошедшими в конце 50-х гг. изменениями в национальной политике. Разработка многих проектов так и не была закончена, а уже накопленный опыт по внедрению в практику созданных систем письма постепенно утрачен. Возобновленная в конце 70-х гг., эта работа далека от завершения. В настоящее время своей письменности не имеют даже некоторые народы, численность которых составляет несколько миллионов человек. Бесписьменным этносом по-прежнему остаются яо (более 2 млн. чел.), хотя яо, проживающие в Соединенных Штатах Америки разработали свою письменность и используют ее в преподавании. Такие примеры, к сожалению, до сих пор еще многочисленны.

Рассмотрение всей совокупности достигнуто в КНР в области обеспечения прав народов страны показывает, что наряду с несомненно положительным опытом многое в этом отношении далеко от первоначально сформулированного идеала.

Причины этого заключаются, прежде всего, в практических отступлениях от декларируемых норм и положений, установленных законодательными актами КНР. Далее, имеющийся разрыв меж-

ду положениями закона и уровнем их практической реализации объясняется в ряде случаев отсутствием четко разработанных механизмов их осуществления на практике. Наконец, сама по себе стратегия достижения равноправия народов путем внедрения системы территориальной национальной автономии небезупречна в своей основе и содержит существенные внутренние противоречия. К сожалению, до сих пор специалисты-ученые и политики в КНР даже не ставят вопроса о том, что помимо территориально-национальной модели автономии существуют иные пути достижения поставленной цели, к числу которых принадлежит незаслуженно дискредитированная идея национально-культурной автономии.

Литература

1. Богословский В.А. Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М., 1984.
2. Крюков М.В. Китайские ученые о таксономии этнических общностей. - Сов.этнография, 1987, № 6.
3. Гуаньйюй 1990 нянь жэнькоу пуча чжуняо шуцзюй ды гунбао (Сообщение о важнейших результатах переписи населения 1990 г.). - Жэнь-минь жибао, 14 ноября 1990 г.
3. Мао Цзедун. Сюаньцзи (Избранное). т.2. Пекин, 1952.
4. У Вэньцзао. Даоянь (Предисловие). - Ван Тунхой. Хуаланьяо шэхой цзучжи (Социальная организация хуаланьяо). Шанхай, 1936.
5. Фэй Сяотун. Тань миньцзу (О понятии миньцзу). - Миньцзу туаньцзе, 1986, № 6.
6. Хэ Гоань. Чжунхуа миньцзу юй до миньцзу гунтунти (Китайская нация и полиэтнические общности). - Чжуньян миньцзу сюэянь сюэбао, 1989, № 6.
7. Цюаньго гэ шэн ши цзычжицзюй гэ миньцзу жэнькоу (Численность населения всех национальностей по провинциям, городам и автономным районам). - Миньцзу яньцзю, 1984, № 6.
8. Цзян Цзешу. Чжунго чжи миньюнь (Судьбы Китая). Шанхай, 1943.
9. Чжан Эрцзюй. Чжунго миньцзу цзюй цзычжи ды лилунь хэ шицзянь (Теория и практика территориальной автономии народов Китая). Пекин, 1988.
10. Ши Цзюнь. Миньцзу фачжи яньцзю (Этюды о национальном законодательстве). Пекин, 1986.
11. Ши Цзюнь. Миньцзу фалюй фагуй гайшу (Свод законодательства по национальному вопросу). Пекин, 1988.
12. Чжунго да байкэ цюаньшу (Большая китайская энциклопедия). Миньцзу (Этнография). Пекин, 1986.